

СЕРГЕЙ ШУБА

КОМУ Я ВРУ

ЗДЕСЬ.

СЕРГЕЙ ШУБА

КОМУ Я ВРУ

Часть 2

ЗДЕСЬ.

Новосибирск
ММХVII

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Ш95 Шуба, С. Кому я вру, Часть 2. — Новосибирск: Здесь,
2017. — 68 с.

В своем новом сборнике сибирский поэт Сергей Шуба представляет стихотворения, написанные им в последние годы. Книга заинтересует всех поклонников современной поэзии. 18+.

Регулярность неповторимого

Если нужно говорить об этих стихах, то о них следует говорить так, как будто их не существует. Не существует именно как стихов. Это не стихи, потому что они явлены не в качестве стихов, а в образе не пойми чего: вот, посмотри.

Многие люди пишут стихи для чего-то или для кого-то и поступают совершенно правильно, поступают верно. Они поступают здоровым, нормальным образом, имея намерение и цель. Это прекрасно, это регулярный – как «regular» в «regular expressions» – процесс. Еще больше людей пишут стихи совершенно бесполезным образом, берясь двумя пальцами за свои мимолетные, в общем-то, впечатления и пригвождая их к решетке размеченных готовых смыслов, созданной до них и, в общем-то, также мертвенно тленных. Также существуют во множестве отдельные проникновенные герметисты, сочиняющие либо себе отраву, либо ближайшему кругу мифологию, либо тете Дуне на деревню срочную телеграмму (впрочем, назовите это как хотите): «Теленок твой умрет ТЧК Дай денег ТЧК» – «забывая» в своей «пустоте» о существовании мессенджеров.

В виду этих практик Сергей Шуба поступает как эталонный, то есть вульгарно выдуманный, идиот, играющий с цветными кубиками. Он раскалывает соссюроевское language, которого, как известно, вполне не опробовал никто и никогда, не впадая в самонадеянную шизоидность parole и не поднимаясь до langue в его философской абстракции – раскалывает пороги речи в мелкий однородный щебень, пугая чувством надвигающейся сингулярности. При этом тотальность стратегии Шубы распределена по многим точкам напряжения, и эта распределенность на практике приводит к растворению легкого душка тоталитаризма, свойственного всякой тотальности.

*Но эти меня подталкивают
Внутрь Вечности
А я говорю: где?
Я говорю: бабло
Говорю: не время
(мимо цветов мимо ягоды терпкой и вкусной)*

*Время поворачивается по чуть-чуть
(До упора) до щебета скворца
А я и не знаю что это скворец
(До упора) до визга тормозов
А я и не знаю кто там за рулём
До рези в глазах (когда же ты начнёшь видеть?)...*

И если мы станем говорить о свободе — а о чем еще мы с тобой можем говорить? — то начнем свой разговор с точки отсчета. Отсчета если не дорогих повешенных поэтов, то, по крайней мере, черных овец и костей в горле — частей традиции, протокола, неменклатуры.

Равновеликость малого и большого уже давно стала общим местом и вдумчивого человека вряд ли можно поразить тем, что табурет равен четырем, а мир, укороченный до визга воробьев, бежит смеется. Находясь в повседневном перемещении, современный человек, а среди него — и ты, читатель этой книжки, — не удивляется разъявленности своих дней и пунктов на карте. Мы давно привыкли считать себя существами многополосными, реверсивными, в некоторых случаях — ручной регулировки. Что же может еще задеть сознание в ситуации постоянной вовлеченности?

Смутные остановки, в духе уже упомянутой мной герметичной зоотерики, сводят скулы андреевским Красным смехом: «„и даже плачу я литературно“». Остановился, очаровался и пропал — звучит проникновенно, первобытно красиво и хрестоматийно. Дадут литературную премию в Коктебеле. Но рутинные пляски на могиле русского модернизма уже давно проходят среди бумажных салфеток, дешевого игристого полусладкого и снулых тушек средней степени ожирения. Тем не менее мы все видели новорожденных, и они ужасны: потрясает сама регулярность неповторимого. Каждый день рождаются новые люди, и любой из них открывает глаза впервые — многие ли из нас могут шагать, подобно этому миру, всегда в непредположенное?

Именно шоры творческого освобождения, именно предумышленный, безусловно трагичный — да, мы это умеем! — путь до сих пор остаются нашим панцирем из желтого кирпича. Метафора полета, призванная описывать психическую работу сочинителя, устарела, как крылья донкихотовых мельниц. От тоски по невозможному парению до падения камнем с берега Волги — пять озорных шагов: отрицание, бла, бла-бла, бла-бла-бла, принятие. Поэтому Шуба позволяет себе отказаться от принципа задуманного творения, усиливает обертона, обычно теряющиеся в статусе сопроводительной документации straight line, и берет за образ свободы горячее дыхание. Воздух — сама суть

поэзии, субстанция того нового, что рождается на весу и приходит без одежд.

*Прозрачны в голове потомки
Неуловимы как вода
Как снег обещаны
Как фары бледно тают
Располосованы огнём огнём огнём
Но ветер пуст
Но древо ещё дышит
Ещё теплы ладони
Ещё взлетает сокол*

И парит

Асфальт, рубли, вобла, осколки, прорубь и прочие вещества, несводимые в демиургической возгонке, прореживаются до призрачного свечения, и последнее значение приобретают нити неслучайных ассоциаций, соединяющие рассыпающийся гранит дома значений одной лишь виртуальной возможностью вседозволенности. Пульсирующая связь составных и центробежных элементов стихов Шубы – основное содержание этой книжки.

Когда Кортасар ничего не писал об игре в подкидного дурака, он сделал замечательное открытие, которое меня интересует, конечно же, опять с точки зрения сопроводительных вещей. Что происходит в момент открытия порта при передаче пакета данных, мы знаем досконально. Когда сеть, заброшенная на мир явлений, становится паутиной с висящими на ней капельками росы свободных радикалов смысла – можем ли мы собрать в цепкую ладонь серую гальку значений? Еще влажных, терпких значений.

*Пусть это будет прямое высказывание
Скажи у меня не было никого кроме тебя
Скажи мне без тебя больно...*

Я тебе не предлагаю увлекательного путешествия, впередчитатель, и ты не услышишь здесь музыки сфер или как там нынче учат в школе... Но я вот что тебе скажу. Сейчас ты прочтешь эту книгу и начнешь писать свою. Здесь точка.

Святослав Одаренко.

* * *

Слово ведь не сказано но верно
А раз верно то втяни живот
Рассчитают день сосудом мерным
Даже если всё наоборот

Если слушать сеют вечно капли
По распилу крышки гробовой
Дух не выдаст где играют в прятки
Тело и душа на рупь земной

* * *

Сел по соседству
Долго шуршал пакетом
Дико выбесил
Потом смотрел в окно
Чего он там не видел
Не видно же ни хрена
Первозданная ночь
И фонари такие качаются
Снег и пробка
Развернулся ко мне с расширившимися зрачками
Я ничего не слышу
Сука ты обдолбанная!
Сдёрнул с него наушники
Мы же стоим хули тут слышать
Гудки что ли?
Как кто-то по телефону
Еду я еду да на Октябрьском рынке
Твою ебучую музыку?
Надел на себя раз просишь

Тишина

А что должно было быть?
А как ты меня вообще понимаешь?
А по губам
Я тебя не очень. Вообще.
Не слышу
Снять теперь?

Тишина

Ну ты придурок

* * *

Нет вас много не один
И продавливает ушко
У звенящей у трубы
Златокудрая подружка

Выменять бетонный свет
На карельском перешейке
Всё равно сойти на нет
Под журчанье канарейки

Воздух горек хлеб горяч
Обними свою подружку
У неё в кармане плач
Вместо кружки

* * *

У воды есть звон и всё в глубине, всё в глубине
У воды есть лёд
И немного рыбы
И утопленник свежий
У воды есть песок, есть опавшие листья и ветки
Есть раздробленный солнечный луч и птичье перо
Иногда я думаю
У воды есть слух
Есть зрение
Подхватит меня если спиной опрокинуться

Горчичное зёрнышко
И то у воды

* * *

В октябре ненужным файлом
Будешь послан на Восток
Там шарманка бродит-ходит
Ищет небосвод

В узелок вязать снежинки
Оступаться на ветру
Всяк вагон холодный бункер
– Не войду

И стоять в степи сгоревшей
Комья глины разбросать
Ветер-ветер где шарманка
Твою мать

* * *

Если сложится картинка
Если выплеснет заря
С января до января

Занемевшие губы

То останется лёгкий
Как касание занавески
Свет, сочашийся сквозь веки
Делает полный круг

* * *

сядешь в глубокое глубоко
прикинешься снеговиком
вот уже март и шуршат ручьи
грязной водой полны

надо просто принять что
в эту же глубину
вода проступит и унесёт
к морю
к самому дну

* * *

...у юноши разведчик налегке
Он в даль безлунную фасеточно уходит
Одетый как всегда не по погоде
С кастетом вместо воблы в рюкзаке

Овраг у речки непрерывно дышит
И пальцы тянутся сильнее горло сжать
Кому весна унылая добычи
Не принесла и не зажгла пожар в груди

Наследник севера в годах плохой приятель
Он спички-брички поджигающий в метель
И не старатель а московских дел каратель
И не паскудник а разбойник светотень

— // —

Рога кому роман судьбы напишут
Лыцарь прошёл чрез вентиляционный щит
И майский жук на забрале его прекрасен
И майка с надписью: Beach The Shit

* * *

Дрозд отвечает за мясо
Медведь за орехи
Когда наступает их час
На сцену выходят морпехи

Долго и мрачно кивают
Делают гоп-ца-ца
Невыразимая музыка
Стекает у них с лица

Дрозд пролетел и сгинул
В скворечник попал медведь
В старой мокрой берлоге
Совсем нечего есть

Поселился дядя кадавр
По соседству пьёт молоко
А меня уличил управдом
Я как будто немного стар

Что мне делать с моим ножиком
Что мне делать с моим мяцом
Говорили же мне морпехи
Подносил же дядя кадавр

* * *

*Скажи себе где ты живёшь
А ты всё пишешь на весу*

В «Быстрономе» пиво по акции
Весной придёт аллергия
Этот хаски умрёт раньше меня
Весёлые продавцы финтифлюшек
На очередной этноярмарке
Расстанутся года через три

Уедут в темноту трамваи

Я больше не стану там жить
И сдвинусь в этой жиже дней
В другой район
Кому я вру

Здесь чёрствый хлеб, вай-фай,
Немытые окна. Лампочка в люстре
Часто перегорает

* * *

Бил меня одеялом
Ловко по голове
Этого оказалось мало
Выстрелил пять раз в живот
Из водяного пистолета
Такая нелепая смерть
Придёт однажды конверт
В конверте абсолютная пустота
Ждал дурак завещания
На худой конец пин-код
На худой конец потерялось
Завалилось в том летнем дне
Память-память слепой пожарник
В сумасшедших смешных штанах

* * *

Память — пометы на полях —
Огромные острова
Но невозвратных рисунков дня
Длятся в каких углах

Устрицу втёмную прихватив
Будто не вор а зверь
Петляй закоулками вот архив
Поспи у его петель

Когда спеленает тебя луна
Схлопнутся створки мешка:
Камень, ракушка, песок, стена
И вековая тоска

* * *

Ну вот, предположим,
Состоялась у тебя лекция в Нью-Йорке
Или того пуще в этой Силиконовой долине
Где люди будущее клепают прямо на наших глазах
И ты стоишь значит в центре аудитории
(Предположим, она формой амфитеатр)
Вокруг тебя белые воротнички
И ты начинаешь рассказывать о своём сборнике
Который написал в огромном сибирском городе
(Огромном по чьим меркам?)
И смотришь на них
Но вспоминаешь мужика что работал на тракторе
Возил в телеге свиней
(А свиноматок возить это вообще пиздец — они иногда начинают
грызть друг друга — 300 кг. каждая, думаешь: сейчас развалит
телегу нахуй!)
Он говорит что бросил пить
А чего?
Ну убьёшь кого-нить по пьяни, посадят
Да меня-то ладно, меня не жалко
А вдруг у того жена, дети
Тракторист прямо здесь, заглядывает в лицо сидя на корточках —
бритый, шрам на черепе, карие глаза, ладони (чёрные от
промасленных деталей), хрен разберёшь сколько
ему лет — 35 или 45
Ещё вспоминаешь пока солнце заливаает лучами комнату
Как поехали бухать в Багаевку
Но там пацаны разделились
Двое пошли в клуб
А мы остались на базе, стали бродить в кустах у Дона, нашли
сторожа, у него был самогон
Выпили с ним, чувак то ли туберкулёзный то ли что — кашлял
постоянно, худой

Он когда узнал что я из Кашар поинтересовался
Знаю ли я такого – Бизона
Неа
Да ты чо – он в Новочеке серьёзный человек был, многие его
уважали, он из Кашар
Ну ладно
Вспоминаешь как в Ростове идёшь от сестры с книгами,
достаёшь на углу телефон
А из-за угла двое
И первый просто берёт у тебя мобилу а ты сдуру:
Да не я не курю
И не отдаёшь
Тогда они начинают тебя бить
А ты вырываешься, орёшь
Опрокинули в лужу
Книги упали в грязь
Бежишь к пятиэтажке сестры
А потом понимаешь: книги выпали
Черпаешь грязь больше под рукой ничего
Возвращаешься
Нет уже никого, книги валяются, хорошо что в твёрдой обложке
Вытираешь, снова суёшь их под мышку
Идёшь домой мокрый, как обоссался
В общем, рассказываешь про сборник
Смотришь
Думаешь
Как они понимают?
Думаешь
А может быть у *тебя*
Есть какая-то история

* * *

Прозрачны в голове потомки
Неуловимы как вода
Как снег обещапы
Как фары бледно тают
Располосованы огнём огнём огнём
Но ветер пуст
Но древо ещё дышит
Ещё теплы ладони
Ещё взлетает сокол

И парит

* * *

У нас одно и то же
На протяжении десяти лет
И потому мы тянемся
К другим людям
Думая, что
Они будут более внимательны
Более снисходительны

Знаешь
Вчера я сидел
У вагончика с каткистом
Ему пятьдесят семь уже, всю жизнь
Проработал на дороге
Он мне сказал
Что прошлым летом похоронили внука
Танцами сначала увлекался а потом
Друзья, спайсы, дибил в общем

Я не жалею его
И дочери тоже:
Как воспитала то и выросло
Выбросил окурок
Растили-растили, потом два ящика водки на поминках въебали —
и всё

Так что твоя смерть
Только твоя смерть — это я понял

И ещё, знаешь
Жара такая была
Постоянно утираешься
И непонятно
Пот или слёзы

* * *

Петру Чейгину

Влажным расколотым словом
Белой уёмной тропой
Ты обозначен лиловым
Смутой звенит твоё ой
Да еси на крылечке
Горькая правда болот
Вот бы платок да спички
Кто бы ещё уголёк
Кто бы ещё бумага
Кто бы – скалистый мел
Прохладным закатом сидел
На самой вершине оврага
Ну, хоть никого не съел.

* * *

как старичок пошаркивая тростью
за льдинкой тонущей настойчиво следит
как день как ночь встают гранитным войском
по берегам немеркнущих орбит

вот у дверей чего достойно слово
как глина вязкая мой облепит лоб
стучится проводник в плаще лиловом
стучится в дверь а кажется что в гроб

найдут и краше станут и противней
сойди считай ступеней позвонки
потом живи однажды будет ливень
а после ни догадки ни тоски

* * *

Жизнь рассказала коробочке
Откуда берётся печенье
Куда убегают внуки
Что делают ночью бабушки
Зачем на стене часы
Коробочка молилась на кошечку
У кошечки девять жизней
И ведёт себя так будто
В запасе у неё ещё сто

* * *

для чего, для чего
для чего ты двигаешь ногой
для чего ты думаешь вот так
ну судить ещё кому
да кому ни попадя и что
этот сон туманный как цветок
это там, это там
это там шагает кавалер
кавалер с улыбкой смерть
и слепой дождь
дождь пройдёт, всё пройдёт
говорит улыбка ну и что
говорит как время ну и что

* * *

В 20:20 сел на Степной на «семёрку», начал трястись
Быт
Путешествие от полумесяца над ларьком зависшего у пятиэтажки
К двум девятиэтажкам стоящим углом
Рынку, аптеке (двум, трём аптекам – столько скопилось)
Парикмахерской, рыбному магазину, «Континенту» и
трамвайным путям
(Дело в том, что на Степную я лишь недавно переехал)
Пока пишешь это в «Google Keep» троллейбус тормозит у
«Сибвеза» на Маркса,
В наушниках играет One Republic,
А я всё пытаюсь сказать,
Что что-то выталкивает из жизни.
Есть этому объяснение у психологов
У философов тоже
Имя Несущее Смерть
Какие глупости приходят в голову: люди, Русские блины (одно
«с» обрезанное сверху деревцо заслонило)
И в 6:30 когда выхожу на работу (в выходной между прочим)
Всё те же набиваются в автобусы
Им-то куда-то надо
Они же не роботы
У них там планы
Они косятся на тебя, потому что ты пахнешь
(Любят мясо)
Пахнешь свиньями, натурально, работаешь на свиноферме
(Не все, конечно, за всех не распишешься, вдруг тут рядом
вегетарианец или вообще кришнаит?)
У тебя три сектора (36 клеток включая «санитарки», кормушки,
вода, вентиляция,
1687 голов, потому что 203 ещё не поставили)
Они мрут (сейчас еду по мосту, смотрю на огни, думаю: кто?)
Они говорят языками человеческими

(Почему-то важно показалось отметить «Бинбанк» – почему?
Почему всё раздавлено-разрезано-развалено
углами зрения, ведь сиди (CD сид баррет эй си ди си эйсид
джаз) я на сиденье справа видел бы «Подорожник»
или вообще Vertigo-Verlen-Voyager-Vitek точно Витёк)
Они слушают (ведь мы говорим им – кому и зачем ведь
результат один – пустота)
Они делят территорию
Любопытны
Всеядны
Ехать-то долго?
Надо заниматься бессмысленной сортировкой, чисткой, они ведь
загадят
Через пять минут после того как почищу
Их всё время сдают и завозят новых
Соседка внимательно прислушивается
(Вот точно у кого внук (Говорят Новосибирск по площади
вмещает в себя три Парижа) сыроед)
Вот точно когда качнётся луна вот она уже месяц так скоро два
или больше кто-то выдержит больше пускай
Потому что (я думаю) мы себя проверяем
Потерять человечность, лицо, что-то важное (телефон или
ложечку детства)
Потому что работа ценится
Потому что там ценят тех, кто умеет работать и это приятно
И это всё рушит
Октябрьский рынок (ночь, никто не выходит)
И живут же, в твёрдой системе неволи находят свободу
Сосед сзади сипит перегаром
Справа до сих пор сидит в адидасе, посматривает на (твой или
мой или чей он сейчас) смартфон
Остановка Золотая Нива Мария Ра справа
И дальше Мария Ра (слева)
И дальше
Skunk Anansie уже отыграли (ты продал гитару, ты взял и продал
гитару, год назад, когда нечем)
И тут я скажу, что мельчает и что разбухает
Посоветиться бы

Господи, когда же я выйду?

* * *

В. Б.

Развевались волосы на ветру
ворон едет по трассе Нижний Тагил – Катманду
лунный отшельник лязгает со дна Васюганских болот
браслетами и зеркалами, Ваньку Каина ждёт

А тот свой прикид обновил на Оловозаводской
купил в Икее сто полотенец, сжёл её нахуй с тоской
Снежная тоска плещется на дне Ванюшиных глаз
цветом они опал, твёрдостью – алмаз

Вот Ванька выходит на берег солёной Оби как живой
Вот к нему подъезжает ворон не реви говорит обалдуй
щас со смертушкой твоей потолкуем пока жуём табачок
подтянем ещё зайчишку пусть нитку отдаст за должок

Нитку лунного света и ёбнем по ней в Катманду
в ушах свистеть будет так как будто несёмся по льду
всех замёрзших канализаций всех вымерших городов
подпишешься? Ванька сопит. Потом говорит: я готов.

* * *

Ресница в пепел упадёт
Волна расколется о лёд
По коридорам грянет эхо

В строю собьётся с шага пёс
Дом занесёт по самый лес
А на опушке домовой лежит как ехал

Луна тебя целует в лоб
Вставая из тяжёлых вод
Ты у порога

Смотри вперёд, смотри назад
Вокруг одна черта, мой брат
Её немного

* * *

Кто будет подводить итоги года?
В дверь шепчет охромевший поставой
Катается луна по небосводу
В проулке слышен тонкий рыбий вой

Алёнка плачет под мостом о братце
А братец кувыркается в снегу
Метели поделили иностранцы
Но смотрят сверху будто бы в гробу

Один мужик бредёт всё по дороге
Треух, ружьишко, валенки, тулуп
Восток ему и кланяется вроде
И отступает и клоочет вдруг

* * *

сугроб на балконе
не верит в книги
заглядывает в окно

* * *

ходит на работу

и домой

чаще молчит

ни на кого не смотрит

потом умирает

* * *

Куда приехать если не к блинам
И что взрывать если не рай таможи
Всё полнозвучней катится тамтам
По небу в гору и по сладкой коже

Кораллы стынут в воздухе как мак
Что берегом плывёт совсем солёный
Один маяк один на нём чудак
И океан с ним говорит как пьяный

Я еду далее и выеду к доске
Доска шуршит тихонько в стороне
От городов и мест сакральной сути

В доске есть лаз пройдя через него
Я потеряю всё и ничего
И если мак – то пусть со мной не шутят

* * *

А иногда представляю что
Мои лучшие друзья умерли
И оставили мне в наследство свои записи
Все свои черновики и ноутбуки
Гитары и потрёпанные книги
Бобины и компакт-диски
Я так хочу сделать доброе дело
Воздать им должное
Жду этого и жду
У меня ничего не пропадёт

* * *

Два колеса повёз, не маленьких, на счастье
А кольца бьются о земную полутвердь
и утверждает глазомер: до тихой урны
ещё успеешь ты не весел не сердит
всё сердолик и яшма и янтарь
рубашка белая ну прямо как берёзка
в известняке качается серёжка
И список полон — никого не жаль.

* * *

Поговори со мной под вой трубы
И две цикады, может быть, ответят
Поделят дети и столбы и лбы
И тёмных каменок спасут косые клетки.

Я жду подмоги, а явился недруг милый
И всё талдычит: мы едины под трубой
Когда ты рядом этот мир другой
И есть вселенная, но нет её могилы

* * *

юность сосны всё чаще
луч твой нелепый звучащий
блеск янтаря на взморье
тонкая ленточка горя

ты думаешь я сказал тебе бангладеш
кораблик фарфоровый разбился о плешь
кораблик сахарный растворился под солнца лучами
запёкся в чае мы пишем маме

мама мы самые лучшие из детей
до завтра расставим свои девять жизней
и будем катать среди них желтоглазых волчат
а кто чью скушает жизнь – тот будет этому рад

такая хвоя и соль
мам пирог приготовь
и приговорим его сами
волчата с большими глазами

* * *

Берёшь листок пишешь
Все мы нуждаемся в тепле
Можешь написать ещё раз
Можешь добавить что
Имеешь в виду любовь
Можешь не писать

I

Я проснулся ночью когда понял что ты умрёшь
Что больше не будет твоих песен у плиты
Твоего смеха
Вспыхивающего на затылке солнца
Изящных лодыжек
Даже уродливого шрама под рёбрами

Ты как будто что-то почуяв
Тихо сказала из темноты
У тебя сейчас такие глаза
Как у моего бывшего когда он решил
Что я уйду от него к Валере
И ударил меня ножом

II

Погнали через лес
Неведомо чудес
Невидимо стрекоз
У нас одно на всё

Ты дымное кольцо
Я золото икон
Разбилось яйцо
А истина в вине

Виновен чемпион
Виновен циферблат
Летателен Арбат
Летален перезвон

Некошены луга!
Погнали через лес
Ты обернёшься стой
Тебя я подожду

Потому что

Деревья смеются
Жизнь откусывает от тебя по дню
А ты длишься в бесконечность
Но не знаешь этого

Иногда жалеешь деревья

* * *

Дети правда тебя отпускали одну
целовать вскипающий дождь
а сами шагали с волны на волну
и ждали пока придёшь

Коровы с мёртвыми говорят
кошки играют с землёй
спать захочешь вступиай в отряд
Возвращайся мокрой травой

Кто тебя видит чайка да кость
что омыта белым бела
первым всегда приходит гость
стучит по краю стола

Ему сгодятся детство и сны
остальное на память пускай
Качается ветка стынут блины
и дождь капает в чай

* * *

Да можно вообще ничего не делать
Солнце встаёт в десять
Солнце встаёт в ночь
А всё это время в кровати
Поют щеглы
О, подскажи, подскажи, подскажи-ка мне лети
Погоди, черноголовый
Как бьётся сердце у тебя
Как быстро бежит кровь
Но не быть, но не сказать
Во тьме порхают все дела
А мы идём на хриплый звук голодный

* * *

Как провода колеблются во тьме
Однажды горло мне перехлестнут
Но это будет далеко уже
Но это будет далеко ещё.

Пока смотрю: колеблются во тьме
В пейзаже всё — земля и небосвод
Молчит. Молчит ещё, уже?
Да полно, милая, какой же твой этаж?

Но ты же знаешь холод проводов
И лица бледные тебе знакомы жаль
Я не шагну к тебе через балкон
В пустое небо с россыпью цветов

Как это будет не смотри назад
Ты молча куришь будто вправду ждёшь

* * *

Говоришь себе: *это сон потерпи немного*

Но раз в месяц обязательно машина сходит с трассы, иногда
переворачивается
Стоит в поле как брошенный робот
Только у которого вырвали сердце
В середине лета к нам в вагон заходят бичи, просят воды, банку,
кипятка, закурить, командир
Они идут на восток, в Канск или Иркутск обычно
Когда едем на объект у развилки сидят жители окрестных
деревень
Продают клубнику или грибы, я вижу их лица
Бывает отворачиваюсь
Отворачиваюсь и наталкиваюсь на кресты в поле
Кресты и иные памятники
По одному на два километра в среднем с той и другой стороны
По утрам между лопаток образуется ком, не даёт дышать
Вчера на заправку заехала «воровайка», водила выпрыгнул,
откинул кабину и попросил пару литров воды
Мы дали, он стал лить её в закипевший двигатель, приговаривая
что не знает, что за хуйня, почему так случилось
Вылил всю нашу воду, тогда Роман не выдержал и сказал: да ты
бы сразу бензина туда ебанул, кто в горячий движок
холодную воду-то льёт?
Вокруг поля и поля, разграниченные лесопосадками
Видишь их изо дня в день, 30/10 и снова и снова пока сезон не
закончится

А вагон укомплектован миллионов на пять, ты как колонизатор,
революционер среди микробов
Но кондиционер не работает
Принтер отказывается узнавать ноутбук
Мухи и муравьи облюбовали углы

Пыль от этого ёбаного щебня везде
Предписания твои никто не выполняет, постоянно пишешь и
переписываешь бумажки: отчёты, протокола, журналы, акты,
исполнительную
Не понимаешь, за что получаешь деньги
Вечером пьёшь пиво в местном кафе, суточные вылетают на раз
Ложись в час, засыпаешь в три, просыпаешься в шесть

Пялишься в окно

* * *

3.

*если темой искусства
будет кувшин разбитый
душа разбитая скорбью
скорбящая над собой
то всё что от нас останется
будет как плач любовников
в грязном гостиничном номере
когда рассветают обои*

Збигнев Херберт

почему бы не сказать себе
твои ноги частенько опухают
и живот не живот а фляга
поддержать его двумя ладонями

за окном
несмотря на классиков и инквизиторов
всё те же самые
и вот поэтому-то
хочется совершить

подвиг

* * *

Говоришь цемент
Сразу думаешь
Сколько их
До тебя
Говорило
Подразумевало
Прерывалась ли эта связь
Ментальное это
Метафизическое
Психоневроз может какой-нибудь
Шизофрения
И говоришь цемент
Но не шуришься
И не продолжаешь
Даже не по 250
Даже не портланд
И уж тем более без фуражки

* * *

Говорят
Камни тоже хотят жить
Запускают корни в наше прошлое
И ворочают там
Сдвигают стены

Наутро

Получается страна
Лабиринта

* * *

Поищи-ка «Гранатовый браслет» Куприна
Там какая-то правда (правда, она не одна).

Очень жаль, что бессонные ночи, разговоры, цветы
Означают расширение мира на «я» и «ты».

И какую бы рыбу ты не принял за плот
Говори на её языке, потому что немеет рот.

* * *

что в имени тебе моём Елена
что в тереме тебе моём
что в душеньке моей светлее льна
она вползает в ваш дверной проём

что в темени моём Елена
что минотавр ахиллес геракл
ведь ариадна нити не плела
как кенотаф в груди холодный ать-два

рыбаки и рыбки дачники и скрипки где же где же чехов нам на
этот рай

в ущельях воздуха холодного расплавься прометей

* * *

Давай заведём видеоблог
Прямая трансляция
Как я сочиняю стихотворение
Как я разбираю стихотворение (чужое)
Как я разрываю стихотворение
Вот, вот так я его разрываю!
На, на ещё
Теперь полить кетчупом
Посолить собратъ
Поджечь
Потом написать что-то ещё
На стене хочешь на футболке на нежной атласной коже
Пожалуй, забавный у нас выйдет блог
Назовём его: поэзии здесь не место

* * *

Ему столько же
Сколько и тебе —
Тридцать два.
Переводит с итальянского
В данный момент
Верстает книгу
Большого русского поэта
То есть всё вместе
Живёт литературным трудом.
Ей вообще двадцать три —
Открыла своё кафе,
Раскрутила через соцсети,
Теперь продаёт на него франшизу...
Но это другие города, ладно
В своём-то:
Вот популярный фотограф
(портрет и арт, и свадьбы по двадцать тысяч)
Вот знаменитый художник
Все круче меня.
Все младше
А мне блядь тридцать два, я лысею!
С кем это ты говоришь *там*?

Спрашивает смерть

* * *

Знаешь сколько раз я говорил с тобой
Прокручивал ситуацию так и этак
Увещевал, утешал, доводил до слёз
Знаешь сколько раз уходил и возвращался
Забывал тебя насовсем
На годы и годы
Сколько нежности и яда выплеснулось

И я заметил что люди когда у них ничего не осталось смотрят на
небо
А если сломались – под ноги
Мы живём в городе где есть памятник чёрной снежинке и
обелиск добытому миллиарду тонн угля
Три кафе работают до 23 вечера
Смотровая площадка на разрез
Я будто очутился в стихотворении Ходасевича
А небо всегда высоко

Так вот, я жду и жду
(Мы работаем с утра до ночи, но словно рыбы в сетях)
Жду твоего имени
Словно тебя должны показать на экране всех телевизоров в
округе
Жду, словно ты пойдешь по обочине этой развороченной трассы
Жду и жду, небо какое-то бестолковое, как разговор о зарплате

Да сколько ни говори ничего не прибудет
И только имя твоё ширится как прибой
И сколько не успокаивай себя, с этим не совладать
Вечерами едем домой, в оврагах клубится туман,
Будто уголь горит под землёй
Будто духи, разгневавшись, поедают дорогу и всё, что сотворено
человеком

Накатывает, хочется сказать, что тоскливо и совестно
Освободиться
И быть в там, где ты
Но я знаю, что стоит подойти к тебе и твой образ исчезнет

Слушать твой голос
Невзначай заглянуть во двор
Будто случайно встретились
И Бог забирает дыхание

* * *

Уже давно и вас никак, меня никак.
И у кого будет сириец, будет рак
У одного, с запасом тел нынче труба
Кто разберётся, кто пострел
А кто губа
И кича, личка, мичман-птичка, и модель...
Ты не седей, ты вспоминай свою метель
Залает за спиной сосед, что в душу влез

Стеклянных струй невпроворот, но есть же мест
Ещё чуть-чуть на каждого из нас...

Ты не горюй, купи в Ашане ананас.

* * *

Сон сон прекрасна жизнь акафист удалой
И несмотря на что известна смыслом
Я хорь я хворь я углеводород я Новый Уренгой
Забивший из гнилого коромысла
Я простохват я лёгок без затей
Я для тебя Испанию умою
Я сею хлеб рожаящий детей
Ем с площадей живу и не болею
Я горек блеф я стар и мал удал
Пошто украл ты серьги у царицы?
Висел у Стеньки на плечах мятежный крест ковал
Заботы пил и стал розоволицый

Всё — для тебя! Ты розни рознь, ты сон
Который под подушкой не укроешь.

* * *

Богатырь этот
Зубы чистил железной щёткой
Постоянно улыбался
Доброты не имел вовсе

* * *

Есть сияние и сияние
Как будто я в этом понимаю
Но сияние глаз
Сияние леса небесного
Сияние топора
И об одном и том же колется холодными осколками
Крутится как память в проруби
И я иду-иду-иду-иду не успеваю
Всё испещрено
Всё свет

А вчера я пытался разобраться с темнотой
Я шёл напрямик но кружил и кружил
И как будто есть что то не вовремя
Хотя все знаки правильны
Большое не выговорить

Ворон-ворон вот мой глаз моё горло
вот тележка вот связка бананов
И светло в этом Магните
Хоть не выходи
Хоть просто закончи историю
Здесь
Под толщей полярной ночи

* * *

Олегу Полежаеву.

Пусть это будет прямое высказывание
Скажи у меня не было никого кроме тебя
Скажи мне без тебя больно
Скажи я постоянно пытаюсь тебе позвонить
Но ты заблокировала меня везде
Скажи тогда я пошёл к тебе домой
Хотел сказать
*Что даже тогда когда ты напивалась со своими художниками
И с этим патлатым трахалась на чердаке
Мне это было не важно*
Я приходил забирал тебя когда ты просила
И был абсолютно счастлив
*Скажи это был невесомый ком в груди
Такой светлый*
Скажи вот я иду к тебе
На Мира машины встали в обе стороны
Слишком много колебаний воды

*Когда я очнулся то стоял на пешеходном мосту
Вцепившись руками в перила
Вверху луна внизу утки
Которых всегда покоряют*

Скажи я только раз поссорился с родителями
Идите на хуй это моя жизнь
Всё стало бессмысленным
(Не обязательно помнить всё
Не обязательно переезжать
Скажи готфрид постоянно спрашивает о тебе)
И можно просить прощения прощения прощения
Прощения памяти

Скажи у тебя есть важное
(назови это важное)
Скажи когда я переходил Перенсона
То что-то случилось
Шар выдохнул
Давным давно
А бордюр оказался холодным и твёрдым
И витрины вокруг и огни как
мираж
Скажи я шагал к тебе чтобы решить что-то с жизнью
Так или иначе
Потому что слишком часто оказывается что видишь что-то не то

Вот стою перед капотом опираюсь рукой
Асфальт блестит тротуар блестит
Машины всё-таки как сквозь вату
Меня чуть не сбила машина
Думаю меня чуть не сбила машина и я бы не дошёл к тебе
Нудный голос предлагает в больницу
Я спрашиваю его: врач сделает меня живым?
И он отвечает: не знаю

* * *

Ты приходишь к земле,
Как растения приходят к воде
Год за годом
Отказываешься от знания необходимого
Своей смерти
И только поедешь когда на Троицу
К берегу Дона
Там, под утро
В холодном тумане
Дрожа, побредёшь по росе
К просвету, к простору, к самому...

В тишине.

* * *

*Товарищ в этом больше чем я
Товарищ в этом меньше зима
И уши торчат
Такая братва такие углы
Снежок да постель*

Господи, в 2016-м тоже рождаются дети!
Нет, я согласен был, когда в 85-м
92-м. В конце концов – 2000-м –
Должны же откуда-то браться
Школьники.
Но эти меня подталкивают
Внутрь Вечности
А я говорю: где?
Я говорю: бабло
Говорю: не время
(мимо цветов мимо ягоды терпкой и вкусной)
Время поворачивается по чуть-чуть
(До упора) до щебета скворца
А я и не знаю что это скворец
(До упора) до визга тормозов
А я и не знаю кто там за рулём
До рези в глазах (когда же ты начнёшь видеть?)
До хруста (Господи, то дерево или кость?)
(И когда ты тронешь рукою стекло)
(Я пытался всё время пройти мимо зеркала не обернувшись
мимо ям с гиблой чёрной водой мимо жадных углов
с паутиной и пылью мимо солнца спящего мимо всё мимо
навстречу)

Содержание

С. Одаренко. Регулярность неповторимого	3
Слово ведь не сказано но верно...	7
Сел по соседству...	8
Нет вас много не один...	9
У воды есть звон и всё в глубине, всё в глубине...	10
В октябре ненужным файлом...	11
Если сложится картинка...	12
сядешь в глубокое глубоко...	13
...у юноши разведчик налегке...	14
Дрозд отвечает за мясо...	15
Скажи себе где ты живёшь...	16
Бил меня одеялом...	17
Память – пометы на полях...	18
Ну вот, предположим...	19
Прозрачны в голове потомки...	21
У нас одно и то же...	22
Влажным расколотым словом...	23
как старичок пошаркивая тростью...	24
Жизнь рассказала коробочке...	25
для чего, для чего...	26
В 20:20 сел на Степной на «семёрку», начал трястись...	27
Развевались волосы на ветру...	29
Ресница в пепел упадёт...	30
Кто будет подводить итоги года?...	31
сугроб на балконе...	32
ходит на работу...	33
Куда приехать если не к блинам...	34
А иногда представляю что...	35
Два колеса повёз, не маленьких, на счастье...	36
Поговори со мной под вой трубы...	37
юность сосны всё чаще...	38
Берёшь листок пишешь...	39

I. Я проснулся ночью когда понял что ты умрёшь...	40
II. Погнали через лес...	41
Потому что	42
Дети правда тебя отпускали одну...	43
Да можно вообще ничего не делать...	44
Как провода колеблются во тьме...	45
Говоришь себе: это сон потерпи немного...	46
почему бы не сказать себе...	48
Говоришь цемент...	49
Говорят...	50
Поищи-ка «Гранатовый браслет» Куприна...	51
что в имени тебе моём Елена...	52
Давай заведём видеоблог...	53
Ему столько же...	54
Знаешь сколько раз я говорил с тобой...	55
Уже давно и вас никак, меня никак...	57
Сон сон прекрасна жизнь акафист удалой...	58
Богатырь этот...	59
Есть сияние и сияние...	60
Пусть это будет прямое высказывание	61
Ты приходишь к земле...	63
Господи, в 2016-м тоже рождаются дети!..	64

Сергей Шуба.

Кому я вру. Часть 2.

Художественное издание.

Дизайн: Святослав Одаренко.

ЗДЕСЬ.

СВОБОДНАЯ
ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ИНИЦИАТИВА

zdespublishing@gmail.com
facebook.com/zdespublishing
vk.com/zdespublishing

Подписано в печать 31 октября 2017 г.
Формат 60 × 90/16. Уч.-изд. л. 1,56. Усл. печ. л. 4,25.
Гарнитура PT Sans. Печать цифровая.
Тираж 75 экз. Заказ № 237.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в Издательстве Сибирского отделения Российской академии наук.
630090, г. Новосибирск, Морской просп., д. 2 .

18+